

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

© 2012 В.П. Павлов

доктор юридических наук, профессор

Всероссийская государственная налоговая академия

Министерства финансов Российской Федерации, г. Москва

E-mail: Elena-Mikhaylovna@yandex.ru

На примере анализа статей раздела II Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) и Проекта изменений и дополнений в ГК РФ от 31 января 2012 г. выявлены противоречия существующей концепции института права собственности, показана экономическая бесперспективность ее применения и сформулированы основные положения новой концепции, устраняющей эти противоречия.

Ключевые слова: собственность, право собственности, механизмы присвоения, модели отношений собственности, эксплуататорская теория, государственный механизм перераспределения прибыли.

Давая оценку юридической модели отношений собственности и законодательной базе для реализации вещных прав, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин отметил неадекватность этой модели современным условиям хозяйствования и постоянное отставание законодательной базы для реализации этих прав от потребностей правового регулирования отношений в сфере собственности и предпринимательства¹. К этому следует добавить и низкий уровень юридической техники норм разд. II “Право собственности и другие вещные права” в действующем ГК РФ, а также разд. II “Вещное право” в проекте федерального закона “О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации” от 31 января 2012 г. (далее Проект).

Действительно, ст. 209 ГК РФ и соответствующая ей ст. 233 Проекта имеют название “Содержание права собственности”. В соответствии с требованиями правил формальной логики в тексте статьи должно быть раскрыто содержание названного права через ближайший род и видовые отличия. В этом случае формулировка п. 1 ст. 209 ГК РФ примет вид: “Содержанием права собственности является совокупность прав владения, пользования и распоряжения своими вещами”².

Аналогичное по структуре определение права собственности (с особенностями входящих в его состав прав, обусловленных национальной правовой системой) мы находим во Французском гражданском кодексе².

Однако ни в ст. 209 ГК РФ, ни в других статьях разд. II ГК РФ явного определения содержания права собственности мы не найдем. Вместо этого в

ст. 209 ГК РФ вводится новое, также нормативно неопределенное понятие “собственник” и искомое неизвестное “содержание права собственности” предлагается определять через новое неизвестное - “собственник”.

В ст. 233 Проекта сделана попытка предварительного определения понятия “собственник”, как лица, которое обладает наиболее полным господством над вещью. Но господство над вещью - это не правовая категория, а результат освоения конкретным лицом навыков обращения с вещью вне зависимости от наличия прав на эту вещь³.

Понятно, что ничего определенного, кроме догадок и предположений, такая формулировка основного понятия института вещного права дать не может. Эти предположения, не имеющие под собой научного обоснования, составляют Концепцию института права собственности, закреплены в ГК РФ и исходят из следующих методологических допущений:

1. отождествление собственника и лица, наделенного правом собственности.

Действительно, те правоведы, которые на основании нормы п. 1 ст. 209 ГК РФ пытаются вывести определение собственника через принадлежащие ему правомочия, допускают логическую ошибку, обусловленную тем, что внеюридическую категорию “собственник” они пытаются раскрыть через юридические категории субъективных правомочий лица, наделенного правом собственности. К.И. Скловский, употребляя понятия “собственность” и “право собственности” как синонимы, считает необходимым оговориться, что данный подход некорректен, однако позволяет избежать неразрешимых трудностей для многих исследователей, остановивших и его в

попытке определить различие между этими категориями⁴.

Видя несостоятельность подобной попытки, невозможность в рамках упрощенной модели через триаду правомочий раскрыть весь объем отношений собственности, указанные правоведы идут далее в своих теоретических допущениях и приписывают волевым отношениям собственности несвойственное им экономическое содержание. При этом под экономическими отношениями также предлагается понимать отношения между субъектами, которые, однако, не зависят от воли самих субъектов. Такая трактовка экономических отношений не имеет ничего общего с экономикой, с теми объективно складывающимися соотношениями между требуемым количеством рабочих рук, материалов, оборудования и пр., которые необходимо выполнить для производства заданного количества продукции при существующем способе производства.

В советской правовой науке, основанной на учении марксизма-ленинизма, собственность традиционно рассматривалась как экономическая категория⁵.

Несмотря на то, что взгляд на собственность как на сущностную характеристику человека был известен К. Марксу⁶, попытки приспособить категорию собственности, индивидуализирующую личность, к описанию совершенно несвойственных гражданскому праву закономерностей в политэкономии не привели его к положительным результатам: "...политическая экономия, принципом которой является труд (*абстрактный труд*. - Прим. автора), оказывается скорее лишь последовательным проведением отрицания человека..."⁷

Явное различие предметов гражданского права и политэкономии следует уже из их определений. Предметом гражданского права в соответствии с определением Г. Ф. Шершеневича являются "частные отношения отдельных лиц в обществе"⁸. "Предметом политэкономии, - по определению В. Даля, - является государственное управление народным хозяйством"⁹. Соответственно, в политэкономии, как в учении о воспроизводстве общественного продукта, под общественным отношением понимают необходимые для этого функциональные и количественные соотношения между классами и социальными группами, соотношения в продукции потребительских товаров и средств производства, пропорции накопления и потребления, взаимосвязи отраслей производства.

Именно в силу того обстоятельства, что экономические отношения имеют характер количествен-

ных пропорций, а потому возможны лишь как результат обобщения большого числа однородных индивидуальных актов волевого взаимодействия лиц, названные отношения, как результирующие, не зависят от индивидуальной воли каждого из взаимодействующих лиц, а представляют собой суммарный результат, который выявляется методами хозяйственной статистики¹⁰.

2. Некорректное отождествление имущества с вещами и с собственностью (ст. 209-214 ГК РФ) - устранено в Проекте, однако в п. 1 ст. 238 Проекта отождествление вещи и собственности сохранено.

3. Классификация форм собственности только по субъектному составу (ст. 212 ГК РФ и ст. 236 Проекта). Причем, если в ст. 212 ГК РФ еще упоминается о существовании иных форм собственности, предусмотренных п. 2 ст. 8 Конституции РФ, то из ст. 236 Проекта иные формы собственности просто изъяты.

По данному поводу следует отметить, что В.А. Кикоть, рассматривая конституционное положение об иных формах собственности на основе анализа законодательства буржуазных стран, приходит к обоснованному выводу о том, что, в отличие от отечественного законодателя, который в ГК РФ ограничился классификацией форм собственности по субъектному составу, западное законодательство идет по пути классификации форм собственности по всем трем элементам, составляющим правоотношения собственности. Так, учитывая особенности владения, пользования и распоряжения такими объектами, как земля, водные ресурсы, воздушное пространство, соответствующие кодексы (земельный, водный, воздушный) следует рассматривать как нормативное закрепление иных форм собственности при классификации форм собственности по объектному составу.

С учетом того обстоятельства, что современное производство является общественным и глубоко дифференцированным по функциям, которые выполняет каждый из участников совместного труда, производится дифференциация форм собственности по содержанию правоотношений собственности. При этом каждый участник производственного процесса становится частичным собственником вновь созданного продукта¹¹.

4. Количественно ограниченный (ст. 216 ГК РФ и ст. 223 Проекта) состав вещных прав - каждый раз приводит к дискуссиям о его расширении, когда те или иные виды субъективных прав подпадают под признаки вещных (право аренды, залога и пр.).

Следует признать, что концепция проекта игнорирует многочисленные объективно складывающиеся на практике формы собственности.

Так, в принятой модели юридически не существует единого собственника в лице финансово-промышленной группы (ФПГ). Действительно, каждое отдельное звено ФПГ, как участник функционально распределенной общей собственности, действует в рамках правового поля в качестве самостоятельного юридического лица. Это позволяет под видом гражданско-правовых сделок между формально самостоятельными юридическими лицами успешно осуществлять товарно-финансовые трансакции, направленные на вывод основной массы капитала из страны и уклонение от налогообложения в стране получения прибыли. И если законодательство и судебная практика промышленно развитых стран обеспечены снятием «корпоративных покровов» с ТНК с целью выявить консолидированный бюджет этих холдинговых структур для обеспечения адекватного прибылям налогообложения, то для отечественного правопорядка ФПГ остаются юридическими невидимками.

5. Презумпция принципа равенства начал, на которых субъекты публичного интереса выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, с иными участниками этих отношений (ст. 124 ГК РФ) - ведет к частнопрововому характеру содержания права собственности публичных образований (п. 3 ст. 214 ГК РФ, ст. 238 Проекта, п. 2 ст. 215 ГК РФ, ст. 239 Проекта).

6. Наделение лица, имеющего имущество на праве собственности, статусом кредитора и неопределенное число лиц - несобственников на стороне должника в абсолютном правоотношении собственности¹².

Главная проблема, с которой сталкивается принятая в российском законодательстве модель исключительного единства собственника применительно к государству и тем формам юридического лица, в которых выстроена иерархическая вертикаль управления, состоит в том, что она поощряет поведение, выгоды от которого достаются одному участнику юридического лица, находящемуся на вершине иерархии, а издержки распределяются среди всех его участников. Одновременно она ослабляет стимулы к принятию решений, издержки которых ложатся на кого-то одного, а выгоды делятся между всеми членами группы.

Таким образом, на основе модели единого собственника, используемой в современном глубоко

дифференцируемом по функциям участников хозяйственном механизме общества, не возникает достаточно разветвленных обратных связей и обслуживающих их компенсаторных механизмов, способных противодействовать названным отрицательным тенденциям.

Согласно западной классификации моделей права собственности, указанная модель относится к эксплуататорским теориям. Эксплуаторское государство устанавливало бы такую структуру прав собственности, которая максимизировала бы доход находящейся у власти группы независимо от того, как это повлияло бы на благосостояние общества в целом.

Действительно, при регулировании права собственности на результаты коллективного труда отечественный законодатель использует два противоположных механизма в зависимости от того, в чьей собственности в процессе присвоения находятся средства производства, используемые для присвоения. В том случае, если речь идет о наемном рабочем, лишенном средств производства, законодатель отказывает в признании за ним доли, соответствующей его трудовому вкладу в произведенный продукт. Ему гарантируется только право на вознаграждение в сумме минимального размера оплаты труда (ст. 37 п. 3 Конституции РФ). На деле это означает, что к работодателю, который согласно трудовому договору регулярно выплачивает сумму, равную минимальному размеру оплаты труда, которая никоим образом не коррелируется с прожиточным минимумом по стране, ни со стороны работника, ни со стороны государства не может быть предъявлено никаких законных претензий, несмотря на размеры прибыли предпринимателя от этой деятельности. Когда же речь идет о собственнике средств производства - работодателе, за таким лицом законодатель закрепляет право собственности на плоды, продукцию и доходы от коллективного труда с использованием его имущества даже в том случае, если собственник средств производства своим трудом не участвует в присвоении (п. 1 ст. 220 ГК РФ, ст. 248 Проекта, ст. 299 п. 2 ГК РФ).

Любое учение, в том числе учение о праве собственности, может претендовать на роль научной теории только в том случае, если оно дает в руки и научного, и практического работника эффективный инструментарий не только для разрешения спорных ситуаций в настоящем времени. Научная теория необходима и для выявления закономерностей развития существовавших ранее форм собственности, и

для однозначного определения возможных форм собственности, которые пока не востребованы экономической, но не противоречат этой теории. Тем самым подлинная научная теория связывает в единую систему имеющиеся знания о предшествующих этапах эволюции изучаемого явления и дает перспективу его развития в будущем. Среди немногочисленных примеров таких систем в естественных науках можно назвать Периодическую систему элементов Д.И. Менделеева. Созданная во времена, когда еще не все химические элементы были найдены в природе и исследованы, эта таблица позволила не только подтвердить закономерности периодической повторяемости свойств известных элементов, но и указать основные свойства тех элементов, которые еще не были открыты в природе. Тем самым данное открытие придало целенаправленность исследованиям естествоиспытателей в области химии.

К аналогам периодической системы элементов в вещном праве можно отнести системную модель функциональных форм собственности и права собственности с участием лиц публичного и частного интереса¹³. Эта модель дает представление о полной структуре форм собственности при их классификации по всем трем элементам правоотношения. Она позволяет выявить принципиальное различие правомочий государства и лиц частного интереса в правоотношениях собственности.

Предложенная модель теоретически обосновывает понятие абсолютного правоотношения собственности в структуре правовой системы, как элемента связи между отраслями публичного и частного права. Межотраслевой характер абсолютного правоотношения собственности позволяет выявить несостоятельность индивидуалистической концепции права собственности, закрепленной в ГК РФ, и обосновать необходимость перехода к социальной концепции, принятой в экономически развитых странах. Согласно последней собственник является должником перед обществом, которое через аппарат государственного контроля и надзора отдает предпочтение конкретному претенденту на приобретение общественно значимого имущества в силу доказанности его лучших навыков хозяйственной деятельности с этим имуществом по сравнению с другими претендентами. В свою очередь, собственник обязан наиболее эффективно использовать переданное ему имущество и тем самым обеспечивать высокий уровень налоговых поступлений от прибыли от своей

деятельности с этим имуществом. В результате собственник, реализуя свой частный интерес, способствует расширению сферы реализации публичных интересов через государственный механизм перераспределения прибыли.

¹ См.: Зорькин В.Д. Правовое развитие России: теория и практика: докл. на Международной науч.-практ. конф. «Юридическая наука как основа правового обеспечения инновационного развития России». М., 2011; *Его же*. Россия: движение к праву или хаосу? Социально-государственный кризис и правовая система // Рос. газ. 2012. Федер. вып. № 5688 (15).

² Article 544. La propriété est le droit de jouir et disposer des choses de la manière la plus absolue, pourvu qu'on n'en fasse pas un usage prohibé par les lois ou par les règlements.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права: пер. с нем. / под ред. Д.А. Керимова, В.С. Нерсисянца. М., 1990. С. 110-111, §53.

⁴ Сковский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 1999. С. 13.

⁵ Толстой Ю.К. Понятие права собственности // Проблемы гражданского и административного права: сб. трудов ЛГУ. Л., 1954. № 12. С. 138.

⁶ В своей работе «Сущность частной собственности в отражении политической экономии», признавая исторические заслуги А. Смита в развитии теории политической экономии, К. Маркс так характеризовал понятие собственности, данное А.Смитом: «Частная собственность воплощается в самом человеке и сам человек признается его сущностью» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 109).

⁷ Там же. С. 109.

⁸ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 11.

⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1998. С. 656.

¹⁰ См., например: Аникин А.В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1971. С. 4.

¹¹ См.: Кикоть В.А. Вступительная статья к книге Я. Лазара Собственность в буржуазной правовой теории / пер. с нем. В. П. Рассохина, В. Марченко; авт. предисл. В. П. Рассохин; науч. ред. и авт. вступ. ст. В.А. Кикоть. М., 1985. С. 5-22.; Кикоть В.А., Краснов Н.И. Правовой режим земель специального назначения. М., 1961 // Советское государство и право. М., 1963. № 1. С. 143-144.

¹² Гражданское право: учебник. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2001. С. 340-341.

¹³ Павлов В.П. Проблемы теории собственности в российском гражданском праве. М., 2000.